

1 ТАЙНА БОЧКИ

Всякий входящий сюда чувствовал себя как на дне могильной ямы. Комната была сырой, с низким потолком, без окон и — в эту промозглую нью-йоркскую ночь — такой же холодной и неприветливой, как взгляд полицейского.

Снаружи, на Принс-стрит, что в самом сердце Маленькой Италии¹, шел косой морозящий дождь. Капли собирались в лужи посреди куч гниющих кухонных отходов, наваленных вдоль поребриков и делавших булыжники мостовой предательски скользкими от жира. Внутри, пониже щита с рекламой светлого пива, глубоко залез во внутренности неряшливого доходного дома ничем не примечательный, дешевый салун для рабочего люда. В этот поздний час — после трех ночи 14 апреля 1903 года —

¹ Маленькая Италия (ит. *Piccola Italia*, англ. *Little Italy*) — собирательное название городских кварталов и районов в разных странах, в которых компактно селились итальянские иммигранты в XIX–XX веках. Такие «маленькие», и даже относительно «большие Италии» стали неотъемлемой частью городского пейзажа стран эмиграции. Свою известность итальянские кварталы получили как за знаменитые и весьма изысканные итальянские рестораны и модные бутики, так и за менее привлекательные стороны — грязь, бедность, высокую преступность, малообразованность основной массы населения, засилье мафии. Самыми знаменитыми «маленькими Италиями» стали италоязычные кварталы Нью-Йорка — Маленькая Италия на Манхэттене и итальянский Гарлем. Городское обновление конца XX века немного сгладило бывшие острые социальные противоречия «маленьких Италий», но не избавилось от них полностью. — Примеч. ред.

таверна уже закрылась, и оттуда не доносилось ни звука. Среди теней в дальнем конце бара виднелась грубо обтесанная, плотно закрытая дверь. В комнате за этой дверью Бенедетто Мадониа поглощал свой последний ужин.

Заведение было заявлено как ресторан, в котором подают спагетти, но на самом деле это была забегаловка, где подавали все подряд. Старая плита, скорчившаяся на полу у стены, испускала чад. Со стен свисали заплесневелые связки чеснока, аромат которого смешивался с запахом варившихся овощей. Из прочих предметов обстановки наличествовали несколько грубых, низких столов, старинные стулья и ржавая раковина, торчавшая в углу зала. Газовые лампы источали свет горчичного оттенка; голые половицы были усеяны кедровыми опилками, которые в конце дня превращались в густую смесь из плевков, луковой шелухи и окурков темных итальянских сигар.

Мадониа жадно вычерпывал полными ложками блюдо из тушеной фасоли, свеклы и картошки, здоровую крестьянскую еду, популярную в его родной провинции Палермо. Это был крепко сложенный мужчина среднего роста, привлекательный по меркам того времени, с высоким лбом, глазами цвета каштана и густыми вьющимися темными волосами. Тщательно провощенные пышные усы с закрученными кончиками оттеняли резкие очертания его римского носа. Он одевался лучше, чем большинство работяг: костюм, высокий воротничок, галстук и туфли на хорошей подошве — признаки какого-никакого процветания. Однако по его внешнему виду нельзя было сказать с уверенностью, как он зарабатывал деньги. Когда его спрашивали, Мадониа называл себя каменщиком. Но даже неискушенному наблюдателю было ясно, что этот человек не привык работать руками. Его сорокатрехлетнее тело уже начало оплывать, а на его

ухоженных руках с аккуратным маникюром не было и следа мозолей ремесленника.

Уединенная трапеза подошла к концу. Насытившись, он отодвинул миску и мельком взглянул в противоположную сторону зала, где у стены расположилась группа посетителей. Подобно ему, они разговаривали на сицилийском — диалекте, столь щедро приправленном словами из испанского, греческого и арабского языков, что он частенько оставался непонятным даже для других итальянцев. Подобно его облачению, их одежда и украшения мало подходили для представителей профессий, привычных в таком месте: рабочий, фермер, гладильщик. Однако было очевидно, что Мадониа не входил в их среду. Даже если все присутствовавшие в ресторане были иммигрантами, они давно уже стали ньюйоркцами и чувствовали себя как дома на кипучих улицах колонии выходцев из Италии. Мадониа же впервые приехал на Манхэттен всего неделю назад и не знал города. Для того чтобы сориентироваться в Маленькой Италии, ему требовались провожатые, и это приводило его в замешательство. Хуже того, его все больше беспокоили эти люди, которых он едва ли знал: они бормотали своими низкими голосами что-то невнятное и вели речь столь туманную, что он никак не мог понять, о чем они говорят.

Мадониа не довелось узнать разгадку этой тайны. Едва сицилиец закончил свой обед, как дверь, ведущая в зал, распахнулась с громким щелчком, эхом прокатившимся по залу, и на пороге появилась вторая группа людей. В тусклом дрожащем свете газовой лампы Мадониа разглядел лицо одного из вошедших: это был Томмазо Петто — гора мышц, всем своим видом внушавшая угрозу. Его прозвали Быком из-за широкой грудной клетки, сильных рук и ограниченных умственных способностей. Позади него притаилась другая фигура, на мгновение

показавшись силуэтом на фоне стены. Это был худощавый человек среднего роста. Его глаза, черные как уголь, будто зияли дырами, просверленными в черепе. Лицо незнакомца было невыразительным и изможденным, кожа — грубой, подбородок и щеки не выбриты. Усы выглядели клочковатыми, как у классического разбойника.

Бык инстинктивно посторонился, пропуская второго человека в зал. Когда тот вошел, среди присутствовавших пробежала волна беспокойства. Это был их предводитель, и они выказывали ему свое почтительное отношение, исполненное страха. Ни один из этих пяти или шести человек не мог выдержать его пристального взгляда.

Мадониа тоже оказался во власти того ужаса, который внушал другим черноглазый человек. Голос его был сух, жестикуляция невыразительна и скупа. Помимо всего прочего, нечто настораживающее таилось в том, что правая сторона его тела была закутана в просторную коричневую шаль. Мадониа знал, что рука, которую он прятал, сильно деформирована. Предплечье было вдвое короче, чем у нормального человека. Еще ужаснее было то, что рука казалась не чем иным, как клешней. На ней с рождения отсутствовали первые четыре пальца. Оставался только мизинец, бесполезный в своем одиночестве, словно жестокая шутка неведомого равнодушного божества. Черноглазого звали Джузеппе Морелло. Своей искалеченной конечности он был обязан прозвищем Клешня.

Морелло не стал тратить время на церемонии. Одно движение его левой, здоровой, руки — и двое мужчин из тех, кто сидел у стены, вскинулись, крепко схватили руки Мадониа, каждый со своей стороны, и подняли его на ноги. Пленник пытался сопротивляться, но недолго и без особого результата. Не слишком нежно зажатые запястья и плечи не оставляли шансов на освобождение.

Кричать было бесполезно: зал находился слишком далеко от тротуара, чтобы туда долетел даже испущенный в полную силу вопль ужаса. Пленнику, наполовину стоявшему, наполовину поддерживаемому под руки, оставалось только беспомощно корчиться и наблюдать, как к нему приближается черноглазый человек.

Подробности того, что произошло между Мадониа и Клешной, остаются до конца не выясненными. Могла состояться короткая, наполненная яростью беседа. Скорее всего, в ней использовалось словечко *nemico*², что означает «враг». Не исключено, что Мадониа, осознавший к тому времени смертельную опасность своего положения, умолял о пощаде. Если так, то его слова не возымели действия. Еще одно движение руки черноглазого человека — и два его помощника, удерживавших пленника, поспешно поволокли его по полу по направлению к ржавой раковине. Чья-то рука грубо схватила Мадониа за волосы и рывком закинула его голову назад, открыв шею. В этот момент третий человек выступил вперед. В руке его был зажат стилет — кинжал с тонким клинком, заточенным до остроты бритвенного лезвия, длиной где-то четырнадцать дюймов³. Секундная пауза, чтобы оценить угол и расстояние, — и лезвие вошло в глотку наискось, над адамовым яблоком.

Удар был нанесен с такой силой, что клинок пронзил трахею Мадониа по направлению спереди назад и продолжал движение, пока не уперся в позвоночник. Когда оружие было извлечено, те, кто держал жертву, почувствовали, как тело обмякло, конечности стали податливыми и безвольными. Приложив всю силу, они вновь подняли

² *Nemico* (ит.) — враг. В этом слове, как и в большинстве слов итальянского языка, ударение ставится на предпоследний слог. — *Примеч. пер.*

³ 14 дюймов — примерно 35 сантиметров. — *Примеч. пер.*

умирающего на ноги, и тут к нему приблизился Бык, держа в руке собственный нож. Мощным стремительным ударом слева направо он рассек толстый трехслойный льняной воротник Мадониа, его глотку и яремную вену — разве что не обезглавил пленника.

Этот акт насилия был столь же шокирующим, сколь и тщательно продуманным. Пока жизнь покидала Мадониа, те, кто схватил его под руки, удерживали голову строго над раковиной, чтобы очередная порция крови, выплескивавшаяся из сосудов с ударами сердца, с бульканьем стекала в сливную трубу. Те немногие капли крови, что избежали этой участи, остались на одежде жертвы или впитались в опилки под ногами. На половицы, которые могли стать уликами, не попало ни капли.

Напор потока крови спал через минуту. Толстые пальцы обхватили изрезанное горло Мадониа и повязали вокруг него прямоугольный кусок грубого холста. Крупноволокнистая ткань впитала последние струйки, вытекавшие из ран, после чего труп был сложен вдвое, поднят и перенесен в центр зала. Там другие руки подкатали бочонок метровой высоты, из тех, в которых оптовые торговцы поставляли товар в магазины Нью-Йорка. Изнутри бочонок вымазали грязью и опилками, целый слой которых был собран с пола, чтобы они впитали кровь, если она еще осталась. После этого мертвое тело было засунуто в бочку с варварской жестокостью.

Из бочки остались торчать рука и нога, но это не имело значения: Морелло и его люди не собирались скрывать тело. Труп Мадониа должен был быть обнаружен, а раны на теле должны были послужить средством устрашения. Тем не менее допускать, чтобы его обнаружили раньше времени, тоже не следовало. Торчащие из бочки конечности укутали в старое пальто с тщательно удаленными этикетками, и бочонок покатали в салун и далее, через открытую

дверь, — в переулок. Там в темноте ждала выдавшая виды крытая повозка, запряженная одной лошадью. Несколько сицилийцев совместными усилиями загрузили в нее свою ношу. Два человека, одетые в тяжелые плащи, вскарабкались на козлы. И, под скрип рессор и стук копыт, Бенедетто Мадониа отправился в свое последнее путешествие.

Через час или позже, сразу после рассвета, уборщица, которую звали Фрэнсес Коннорс, вышла из своей квартиры в Ист-Сайде и направилась в ближайшую пекарню, чтобы купить булочек.

Район, в котором она жила, был доведен до безнадежного уровня обнищания. Жилище Коннорс находилось между обветшавшим извозчичьим двором, о предназначении которого сообщала вывеска с облупившейся краской, и целым рядом шатких рекламных щитов, подпертых чугунным металлоломом. Справа, стоило выйти из квартиры, река Ист-Ривер разливалась лужей зловонных отходов напротив полуразрушенных причалов. Слева на здание фабрики навалился амбар, полный гогочущей живности. А прямо по ходу, там, где 11-я Ист-стрит⁴ пересекала Авеню Ди⁵, располагалась пекарня, к которой и направлялась Коннорс, минуя склад лесоматериалов «Мэллет энд Хэндлс»⁶ со стенами, иссеченными следами неудачных разгрузок.

⁴ Названия нумерованных улиц на Манхэттене адаптированы для русского читателя. На самом деле в английском наименовании, к примеру, East 11th Street слово East обозначает район Ист-Сайд, как и слово West обозначает Вест-Сайд в названиях улиц в западной части Манхэттена. — *Примеч. пер.*

⁵ Авеню D — самая восточная авеню Манхэттена. Многие из жилых комплексов на авеню D относятся к социальному жилью, предназначенному для беднейших жителей города. — *Примеч. ред.*

⁶ В оригинале — *Mallet & Handle's*, что переводится как «Молот и рукоятка». — *Примеч. пер.*

«Мэллет энд Хэндлс» был настолько же грязным и худалым, насколько и сама 11-я Ист-стрит. Его двор источал гнилостный запах отходов, его стены прорезали оспины немытых окон, прикрытых для защиты мелкой проволоочной сеткой. Большую часть времени товар лежал снаружи, хаотично сваленный в кучи, что заставляло проходивших мимо лавировать между грудями древесных обрезков. В то утро, однако, путь Коннорс преградило другое препятствие. Прямо посреди тротуара стояла бочка, прикрытая старым пальто.

В соседних домах зажигались огни, и дождь почти прекратился, но для портовых грузчиков и рабочих потогонных производств⁷ было еще слишком рано. Никто не видел, как миссис Коннорс подошла к бочке. Никто не видел, как она прикидывает размеры препятствия или поднимает край пальто, чтобы заглянуть внутрь. Но все ее слышали. То, что увидела Коннорс, вызвало у нее крик, полный такого ужаса, что из окон по всей улице стали высовываться головы. Уборщица обнажила правую руку и левую ногу трупа. Под ними из опилок, перемешанных с кровавыми сгустками, выглядывало лицо с высоким лбом, глазами цвета каштана и густыми темными волосами.

⁷ Потогонная система (англ. Sweating system), экон., форма производства, допускающая самую крайнюю эксплуатацию трудящегося, отсюда назв. «система выжимания пота». В крупных городах Зап. Европы и Америки, где имеются постоянные кадры безработных и непрерывный приток эмигрантов, посредники и скупщики в некотор. ремеслах, например портняжном, заставляют их работать по 18 часов в сутки в ужасной гигиенич. обстановке за ничтожную плату (Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. Т. II, вып. 3. 1909). — *Примеч. ред.*

На крики Коннорс прибежал местный сторож. Он, в свою очередь, вызвал полицию. Патрульный Джон Уинтерс, не мешкая прибывший на место со своего поста поблизости, стянул с бочки пальто и сразу же увидел, что человек в бочке мертв; доказательством являлось то, что его горло было перерезано, а кожа бела как мел. Длинными свистками полицейский вызвал подкрепление. Один человек был отправлен позвонить сотрудникам Детективного бюро, а остальные приступили к изучению своей находки.

Это была ужасающая работа. Все, к чему прикасался Уинтерс, было липким от крови; лицо и тело мертвеца были забрызганы, а одежда пропитана ею; кровь сочилась между досками. Но свидетельств тому, как бочка попала на 11-ю Ист-стрит, практически не было. Дождь не оставил ничего, что подтверждало бы присутствие крытой повозки: отпечатки ног растворились в грязи, следы колес размылись. И хотя сержант Бауэр из полицейского участка на Юнион-стрит, проходивший мимо склада лесоматериалов в 5:15 утра, был убежден в том, что бочки на тротуаре не было, поквартирный опрос по обеим сторонам улицы не выявил ни одного человека, который видел бы повозку, когда она громыхла по дороге, или имел бы представление о том, как можно было разгрузить ее во дворе «Мэллет энд Хэндлс», да так, что никто этого не заметил.

Судебная медицина Манхэттена на рубеже веков находилась в зачаточном состоянии. Дактилоскопия, незадолго до того введенная в Скотленд-Ярде, еще не была принята на вооружение Департаментом полиции Нью-Йорка⁸, и сама мысль о неприкосновенности места

⁸ Департамент полиции Нью-Йорка (*New York Police Department*) — тот самый NYPD, знакомый всем любителям современных полицейских фильмов и сериалов. — *Примеч. пер.*

преступления была чем-то доселе неслыханным. Не озаботившись тем, чтобы дождаться прибытия детективов из 14-го полицейского участка, Уинтерс вытащил тело Мадониа из бочки — задача не из легких, поскольку его намертво заклинило внутри, — и разложил прямо среди луж, чтобы исследовать на предмет улик. Для защиты тела от непогоды не было предпринято никаких усилий, но патрульный заметил две важные детали: пальто, которым была накрыта бочка, лишь слегка намокло, несмотря на то, что всю ночь моросил дождь, а тело под ним оставалось теплым на ощупь. Было совершенно ясно, что изувеченный труп был оставлен здесь совсем недавно, а смерть наступила в не столь отдаленном прошлом.

Провести систематический досмотр было поручено сержанту уголовной полиции Артуру Кэри. Этот полицейский, уже имевший за плечами опыт расследования убийства, первым прибыл на место преступления. Он пометил ярлыками содержимое карманов Мадониа; оно состояло из распятия, штемпель-календаря⁹, единственного пенни и нескольких носовых платков — один из них, маленький и пропитанный духами, очевидно, принадлежал женщине. С жилетки на трупе свисала цепочка от карманных часов, но сами часы отсутствовали; не было бумажника, и на одежде не обнаружилось нашивок с именем. Даже этикетки с нижнего белья были удалены. «На теле не было, — признал детектив после осмотра, — ни единого обрывка информации, который помог бы установить личность».

⁹ Штемпель-календарь — компактное устройство с рукояткой, печатавшее дату на бланках писем, конвертах и счетах, а также на различной документации в конторах и присутственных учреждениях. На штемпеле обычно размещались имя, фамилия, место жительства, звание и род занятия владельца. — *Примеч. ред.*